

10 КРУГОЗОР 73

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Не город, не поселок. Станция. Поезда дальнего следования лишь чуть замедляют ход перед вокзальчиком из серого камня.

Прозвенит школьный звонок. Опустеет коридор, где под ногами поскрипывают половицы, как во всех очень старых домах. Станет тихо. Но подойди к дверям десятого класса и услышишь:

— Отсутствуют Езовитов Владимир, Езовитов Евгений, Лузгина Зинаида — члены подпольной организации «Юные мстители», героически погибшие в годы Великой Отечественной войны...

Стукнет откинута крышка парты в девятом «А», и донесется:

— Сегодня в классе отсутствуют Азолина Нина и Лузгина Мария — комсомолки-подпольщицы, расстрелянные фашистами 5 октября 1943 года...

В девятом «Б»:

— ...Дементьева Надежда и Слышанков Федор, павшие смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны.

Продолжение на стр. 4.

— Это было 30 лет назад, — рассказывает школьникам директор музея «Юных мстителей» Нелли Азолина, сестра подпольщицы Нины Азолиной.

ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Николай ЧЕРКАСОВ:

...Год спустя после окончания съемок «Депутата Балтики», которые впервые привели меня в Таврический дворец и поставили на его трибуну в качестве политического оратора в костюме и гриме Полежаева, я вторично взойшел на ту же

я волновался... Однако же, взойдя на трибуну, я почувствовал себя совершенно свободно, можно сказать, как вполне опытный оратор...

Дело в том, что в заключительных кадрах фильма, которые, обобщая его содержание, собственно, и обеспечили ему долгую жизнь, Дмитрий Илларионович Полежаев смело выходит на арену общественной жизни.

Именно в этих кадрах в его лице рождается ученый нового типа, порвавший с прошлым, соединивший свою судьбу с судьбой революционного народа и увидевший цель своей жизни в служении социалистической революции.

...Глубокий старик, он, став выборным народным депутатом, делается молодым и раскрывается во всем обаянии своей душевной красоты, во всем своем великодушном нравственном величии.

...Я вправе сказать, что мой профессиональный творческий рост явился результатом общественного, политического воспитания. Этот рост начался с по-

знания и осмысления грандиозных процессов переустройства жизни, которыми ознаменовались годы первой пятилетки.

Познание революционной действительности, закономерностей ее развития побуждало нас активно включаться в жизнь, искать в ней правильный путь развития своих творческих возможностей.

Работа в местном комитете театра «Комедия», участие в различных органах Союза работников искусства, особенно же в его военно-шефской комиссии — таковы были первые ступени той общественной школы, которую, так же как и многие мои товарищи по профессии, я начал проходить в эти годы.

Трудно было бы установить с точностью, когда же и с чего именно началось наше обучение в этой великой школе советской общественной жизни.

Во то время, о котором идет речь... все мы, молодые актеры, учились выступать на общих собраниях, на производственных совещаниях и в различных кружках, на разного рода заседаниях, посвященных текущим политическим кампани-

ям, на встречах с рабочими-ударниками, передовыми колхозниками и делегатами подшефных воинских частей. Нередко могло казаться, что все это как будто и не имеет прямого отношения к искусству, к театру, к кругу творческих интересов актеров. А на самом деле вот именно здесь, в обстановке этих подчас весьма обиденных явлений общественной жизни, властно врывавшейся в театр, мы постепенно вырабатывали в себе новое мироощущение советского актера — гражданина своей великой героической Родины.

Из «Записок советского актера»

● Так ли совпало, или проявилась в том какая-то высшая справедливость, но многие мысли, высказанные вслух Дроновым, были, видимо, особенно близки Черкасову, человеку, воплотившему этот образ на сцене и на экране.

...Календарный листок — 75 лет со дня рождения Н. К. Черкасова. И вспомнился один из майских дней в большом южном городе, охлепленном афишами: «Гастроли Ленинградского академического...»

— С удовольствием запишусь для радио. Но, знаете, мне нужна публика, — развел длинными руками Черкасов. Задумался и здесь же нашел выход: «Я обещал выступить в местном театре по линии ВТО. Там и выполню вашу просьбу».

Черкасов выступал перед актерами ростовских театров. «Тираж» его рассказа оказался невелик: в зале сидело человек четыреста, не больше...

В наше время запись на магнитную ленту не удивишь никого. Тем более черкасовской: радиопостановки, монтажи спектаклей, кинофильмы. Но в них он живет по законам чужих жизней. Запись же, где актер выступает со своими личностными размышлениями, особенно дорога. На четвертой звуковой странице именно такая запись. Черкасов рассказывал, как говорится, по случаю эпизоды из своей жизни.

Спустя несколько часов, вечером, он вышел на эту же просторную сцену и сказал ныне уже ставшие хрестоматийными дроновские слова, которые с полным правом мог отнести и к себе: «Все остается людям».

В. ДЕКАБРЬ

трибуну уже как гражданин, как член окружной избирательной комиссии по первым выборам в Верховный Совет СССР, как один из представителей художественной интеллигенции города Ленина, призывавший собравшихся голосовать за кандидата блока коммунистов и беспартийных. На собрании присутствовал М. И. Калинин, и вы легко представите себе, как

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И МИНУТЫ

Они с детства волнуют наше воображение... «Белеет парус одинокий»... «Алые паруса»... «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»... Ведь недаром мы, живущие на берегу, желаем друг другу попутного ветра и семи футов под килем...

Владимир Филиппович Сичкарюк вспоминает корабли. Иногда задумывается в поисках слова. Но ненадолго. Формулирует мысль жестко, как бы вычерчивает мелом на стальном листе столбик цифр. Жесты молодые... Лишь морщины у привычно сощуренных глаз выдают возраст. Он вспоминает свои корабли. Подводную лодку в 1941-м. Он работал тогда на Севере. Ремонтировал минно-торпедные устройства. Командир лодки к нему пригласился: «Пойдешь ко мне старшим-торпедистом?» Сняли его уже с борта, и на фронт сумел вырваться только через год.

Первые самоходные баржи вспоминает... Их он собирал уже здесь, под Николаевом.

Еще один корабль Сичкарюка я видел сам. Он выходил из дока — могучий рудовоз. Выходил, казалось, сам. Развернулся на серой воде лимана, свернул на кромке борта имя легендарной командирки Зои — и обнаружился за кораблем три крохотных буксира: «Руслан», «Ситязь», тезка завода — «Океан»...

— Судостроитель. — не знаю, есть ли профессия лучше, — говорит Владимир Филиппович. — Широкая профессия.. Мы работали на этом рудовозе. Закладывали триста вторую секцию. Что такое секция? Их в корабле побольше, чем долек в апельсине. Но и сложиться они должны как дольки, будто росли рядом. Потому что все секции вместе — это и есть корпус судна.

Задание бригаде дали сложное: на монтаж «постели», в которой обитые собирают «экипу, не было времени, поджимал график. «Смотрите, не сразу на наклонном листе?» — спросил меня. И бригадир, мне решать. Сoglасился: работ своих знаю.

ВОСПОМИНАНИЕ О КОРАБЛЯХ

2

Фото автора
и Н. Маторина

Получили расчетные данные, расположили по ним весь набор—двенадцать тяжелых ребер-шпангоутов. Обжали шпангоуты, прихватили сваркой. Отойдешь — красиво со стороны. Ни какое-то мне чувство, то ли шестое, то ли седьмое, говорит: что-то не так! Мастера подзывают, молодой мастер, два года, как закончил Николаевский судостроительный: «Что-то не то я делаю, погляди, может, данные неверные?» «Да нет, вроде все правильно».

Дома так я не заснул, до утра проворочался. На участок чуть свет явился, нашел кусок мела, чертил, высчитывал. А когда ребята собрались, сказал: «Берите резак, валите весь набор». Они переглянулись: «С ума сошел дед, не иначе». Мастер прибежал: «Ты что, Филиппыч, всю вчерашнюю смену губишь? Люди работали!» А я свое: «Срезать».

Уверенность в себе никому еще не мешала, верно? Я и этому в бригаде ребят учил. Почти сорок лет на судосборке. И сынов своих через бригаду пропустил. Тогда до начальника цеха дошло. Я на чертеже объяснил: неправильно строили, не тот наклон. Собрали секцию заново. Я как к месту прирос, кричу сборщикам: «Ставь скорей, ставь, все равно не уйдешь домой, пока не совпадет микрон в микрон».

Совпало. Сколько таких секций было... Побольше, чем кораблей. А уж кораблей-то...

А корабли — в морях и в океанах.

Широкая профессия... И она не в широте пространства. А в человеке, наверное.

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»

Николаевская область

Бангумский порт — один из многих, куда приходят корабли, построенные на заводе «Океан». И, пожалуй, не найти судна, к которому не прикасались бы руки ветерана завода коммуниста Владимира Филипповича Сукхарова и его комсомольско-мелкодежной бригады.

На звуковой странице — неснятый репортаж об этом, когда рождается корабль.

У окна портрет — девочка с ямочками на щеках. Пионерский галстук скреплен зажимом. Герой Советского Союза Зина Портнова. И еще портреты. Много портретов.

Шашкова Валентина... Лузина Антонина... Алексеев Николай...

Так начинается день на белорусской станции Оболь, такой маленькой, что вы даже не найдете ее на карте...

Удивительно, как много всего — событий и судеб — сплелось вокруг необычного с виду школьного здания с балконом и колоннами, толстыми, как у крепости, стенами! Сбежались к школе тропки от разбросанных по берегам Оболянки деревень. Босоногим и лапотным протопало по ним одно поколение. Торными дорожками шло второе.

В конце июня 1941 года в школе разместился красноармейский госпиталь. А в начале июля на правах законного «наследника» занял школьное здание фашист в форме полковника СС. Подвалы — бывшие винные погреба — спешно переоборудовались в бункера. Полковник Данштер надеялся, что в Берлине примет его предложение, и Оболь, где уже стоял большой, в несколько тысяч гарнизон, станет ставкой Гитлера или Центрального фронта вермахта...

Комиссару партизанского отряда Борису Маркиянову, недавнему комсorghу обольской школы, поручили создать на станции молодежное подполье. Комсомольцы назвали свою организацию «Юные мстители».

Мы много знаем уже о тайной войне в тылу врага. Герои Краснодона и Людинова, Нежина и Ржева, Львова и Острова. Герои Оболи. Как похожи их подвиги! И как неповторимо все, что за этими подвигами стоит. Они были мальчишками и девочками!

В один из дней сорок третьего года Совинформбюро сообщило: партизанский отряд, действующий на Витебщине, дерзко разгромил крупный фашистский штаб и захватил ценные документы.

Множество людей готовило эту операцию и участвовало в ней. Несколько раз выходил на связь работавший в логове врага советский разведчик. Прорвались сквозь линию фронта летчики и на парашютах сбросили в лес ручные пулеметы и боеприпасы.

Золотой Звезды Героя удостоены двое из подпольщиков: самая юная — З. Портнова (посмертно) и руководитель организации Е. С. Зенькова. На звуковой странице — рассказ о делах подпольщиков.

Ночью на отрезке шоссе Полоцк—Витебск залег в засаду отряд партизан. Днем гитлеровская автоколонна была встречена шквальным огнем.

Это было завершение операции. А началу ей положили «Юные мстители». Именно им партизанское командование поручило в определенный срок совершить диверсию, которая бы надолго вывела из строя железную дорогу. Николай Алексеев подложил мины в буссы составов с авиабомбами и горючим.

Полдня рвалось и ухало на станции. Даже у школы — на расстоянии больше километра — валялись изломанные куски рельсов.

Немцы вынуждены были перебросить один из своих штабов вопреки планам не по железной дороге, а по шоссе.

...Летом сорок третьего года Красная Армия готовила на центральном Смоленском направлении решающий удар по гитлеровским войскам. Германское командование, предчувствуя это, усилило переброску по железной дороге живой силы и техники. Насосная станция в Оболи — единственная на огромном перегоне — обеспечивала водой проходящие мимо паровозы.

25 августа водокачка взлетела в воздух. Дымились руины. Выстроившись в две шеренги, солдаты передавали по цепочке ведра. На станциях образовались пробки. О скоплении поездов партизаны радиовали нашей авиации. Десятков эшелонов не досчитался тогда вражеская группа армий «Центр».

Потом, когда начнется самое страшное, Нина Азолина поднимет кулак и бросит в лицо гитлеровцу:

— Этой рукой я взорвала водокачку. А этой, — она взметнула другой кулак, — хотела взорвать тебя вместе с твоей комендатурой! Жаль, не успела...

Ей выкрутят руки...

...Сегодня в классе отсутствуют: Азолина Нина, Алексеев Николай, Езовитов Владимир, Лузина Мария...

Так начинается день в школе имени Героя Советского Союза Зины Портновой.

Так начинается день на белорусской станции Оболь, такой маленькой, что ее даже не найти на карте.

Ада ДИХТЯРЬ,
специальный корреспондент «Кругозора»
ст. Оболь, Витебская область

Из камерного цикла «Синяя птица»

1

Бард входит в мастерскую.

Трубка бодро,

Как заведенная, в зубах дымится.

А у художника стоит работа.

Он, на молберт взвизгивая, томится.

Как фимиами, дымок взлетает бурый,

В синь полотна вплетаясь органично.

Но морщится маэстро: нет природы,

А память у него безгранична...

На синем фоне и на пальме синей —

Диковинная птица. Гость еще раз

Всмотрелся: точно манекен в витрине,

Такая же печаль и отрешенность.

Друг у него чудак. Часы без стрелок

Чего-то ради над холстом повесил.

Темнеет. В сумерках землисто-серых

Сидят, пьют кофе. Бард речист и весел.

И вот он снова подступил к картине.

Но что это — фата-моргана, небыл?..

Весь фон ее однообразно синий

Взаправдашним вдруг обернулся небом!

Да он же (или это только снится?)

Перед телесно воплощенным ликом

Видений детства, перед Синей Птицей,

Обещанной когда-то Метерлинком!..

Но как же это?.. Ведь она из сказки...

А я стою перед живую, сущей...

А я-то, целый век ее искавший,

На ней уже поставил крест большущий...

2

— Как ты ее назвал? — Назвал? Ее всегда звали Лилейшая Лилия. — Лилейшая Лилия? Но ведь она синяя. Вроде бы нет таких лилий в природе. — То есть отчего же нет?! А еще поэт. Разве ты не видишь, что вокруг нее вода? — ??? — С тобой сегодня прямо беда. Да я же сам ее нашел! — Ну, хорошо... А как она к тебе относится? Привязалась? — Лилия привязалась? Нет, ты, видно, выпил малость. Это я без нее не могу, только про это, чур, никому ни гу-гу... — Ничего не пойму... Когда ты ее нашел? — На закате. Когда солнце земли касалось, а ивы были особенно красивы, — мне уже казалось, что большей красоты в мире нет, и тут ослепил меня синий свет... Тогда и во мне что-то зажгло. Я достал свой заветный холст, и она была уже почти моя, но я загляделся в окно,

а когда обернулся — проклятье! — в комнате было темно... В тот день я чуть не спятил... — И всё? И не отыскалась?.. Выходит, она к тебе не привязалась... — Не знаю...

Ничего про нее не знаю...

С той поры себя проклиная!

Больше нету синего света,

Больше нету синего света!

Я рисую теперь вслепую,

Днем и ночью по ней тоскую,

И ищу ее возле озер,

Возле самых синих озер...

Знаю, знаю, что фантазер!

3

...Птица или Лилия?..

А, не все равно ли...

Нету ее боле. Тягостно вдвойне.

Ни в воде, ни в воздухе,

ни в лесу, ни в поле

Нету ее боле. Что же делать мне?

По каким я только не плутал дорогам...

Забывал о доме, запускал дела...

Подольщался к небу, называл высоким,

Добывал старательно два стальных

крыла...

Лилия или Птица! Синяя зарница!

На свои поэмы я гляжу с тоской.

Ни одна не может больше завершиться,

Как портрет у друга в темной

мастерской.

Он совсем извелся от всечасной муки.

Ведь тебя держал он в радостных руках...

А сегодня даже кисть не держат руки,

Выцветают сразу краски на холстах.

Он тебя высматривал над волной морскойю,

В поисках изъездил всякие края...

Находил тебя он у Рембрандта, Гойи,

Но ведь то чужая, а была своя...

Люди тебя видели и в густом бурьяне,

Видели порою в полной темноте,

Видели обычной чайкою в тумане,

Видели! И разницы нет — какой и где.

К нам двоим слетишь ли?

Без тебя нам худо.

Дальше ты, чем звезды,

взглядом не достать.

Синее-пресинее световое чудо,

Озаришь ли снова нас?.. Хотя бы раз...

Как знать...

ДВА БАНАЛЬНЫХ РОМАНСА

1

В эту ночь толковал я с цветами,
И спросили они: «Хочешь знать,
Почему не пришла на свиданье
В тот назначенный вечер она?..»
И ко мне наклонились и шепчут:
«Тайну ты сохранишь ли?» «Навек!»
«Твоя милая, — молвят, — в тот вечер
Башмачком нас примяла к траве...»
Вот уже и цветы (А как будто
Им твою надо б руку держать...)
Всю тебя с головой выдают мне,
Если сделаешь в сторону шаг...
Но цветы, вероятно, солгали —
Ты никак не могла их примять.
Я не верю, моя дорогая,
Моя синяя птица... Моя...

2

— Когда меня не станет,
черемуха запенится в свой срок,
Как будто кружка свадобного пива,
И дуб величественный, точно бог,
Тебя утешит, шестеста велеречиво,
Когда меня не станет...
Когда меня не станет,
ты будешь дальше жить
Моя единственная, моя печаль без края,
И все цветы распустятся,
и плечи оснежит
Тебе вишневым цветом,
краса и гордость мая,
Когда меня не станет,
Когда меня не станет,
когда я стану кленом
Иль тополем зеленым над аспидной
плитой,
Поймаю ветер кроной и голосом
влюбленным
Еще нежней, чем раньше, заговорю
с тобой,
Когда меня не станет...
— Когда тебя не станет,
когда во сне глубоком
Твоим меня не станет.
ты будешь дальше жить,
И, бывший прежде роком,
ты станешь моим богом
И буду я тебе лишь молиться
и служить,
Когда тебя не станет...

Жарким июньским вечером 1973 года в зале Чайковского собралась публика. Ее было немного — партер и амфитеатр едва были заполнены. Не сезон! Да, кроме того, город был во власти международного конкурса артистов балета, и мало кто заметил скромную афишу: «Шуберт. «Прекрасная мельничиха». Исполнитель Петер Шрайер (ГДР)». Правда, те, кому было нужно, заметили. Можно сказать, что цвет московских мастеров пения во главе с Зарой Долухановой и Ниной Дорлиак, многие музыкальные критики поспешили на вокальный вечер вылающегося немецкого певца, лауреата Национальной премии, солиста Берлинской государственной оперы, давшего единственный свой концерт в Москве, посвященный Шуберту.

Мне не думалось, что сценический эффект будет столь велик: я видел Шрайера до концерта, нас познакомили, мы даже поговорили, но вот...

Портьера распахнулась, и к рампе вышел человек, поразительно похожий на

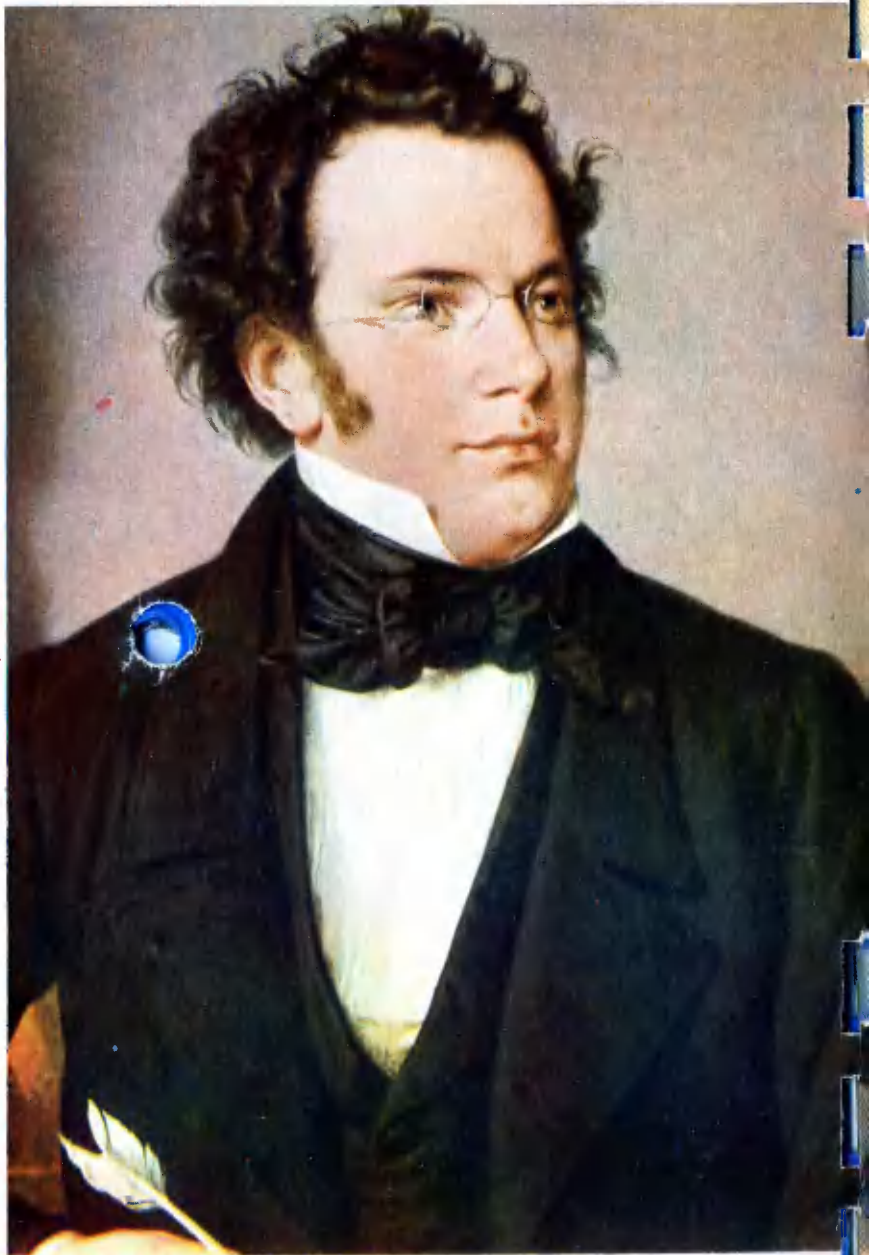
Франца Шуберта

Франца Шуберта. Вероятно, имел место некоторый оптический обман, aberrация, действовало некое средневзвешенное представление об облике Шуберта, основанное на его портретах, но тем не менее с первой ноты первой песни цикла, уносившей нас «В путь», и вправду казалось, что время отступило на полтора-два года назад.

Шрайер потом признавался:

— Быть может, все это еще и потому, что я люблю Шуберта и где-то в глубине души чувствую себя молодым мельником, который отправился путешествовать. Вы, наверное, знаете, что у нас порой называют цикл так же, как у вас, «Прекрасная мельничиха», а иногда — «Песни Мельника», потому что автор стихотворений — Вильгельм Мюллер. Мюллер по-немецки — «мельник»...

История создания этой тетради обросла легендами совершенно фантастического свойства. Было высказано предположение, что двадцать песенных акварелей чуть ли не привиделись Шуберту, когда он по-

ывал в местечке Медлинг под Веной, на альпийской г-жн Хельдрих. Эта сказка живет в Вене вот уже более ста лет (кстати, ее слышал и Петер Шрайер, появившийся в Медлинге), более того, она послужила сюжетом для комической оперы Зуппе. Среди немногих усомнившихся в легенде был Брамс, который, покидая «мемориальную» деревню, заметил с иронией: «Здесь будто бы Шуберту пришла в голову идея его «Прекрасная мельничиха». Хорошо, что исследователи Франца Шуберта настолько продвинулись, чтобы доказать нам это».

Что касается Мюллера, то идея его стихотворного венка возникла в кружке литераторов-романтиков, в который он входил вместе с Брентано, Штегеманом и Луизой Хензель. Тогда — в 1815—1816 годах — были в ходу литературные игры. Одна из таких игр называлась «Роза, мельничиха». Руку прекрасной, но ветреной мельничихи оспаривают поклонники — подмастерье мельника, садовник, рыбак, охотник. Участники кружка рас-

ского истинно народного, даже простого человеческого характера, была не только его мироощущением, не только нравственным «кредо». Она служила убежищем. Она укрывала его от житейских гроз, лицемерия, от сословной ущемленности, темных сторон современной ему жизни.

Поднимем занавес. 1923 год. Меттерниховская Австрия. Шуберт и друг его венец, Бетховен, — не забудем, что жили они в одном городке (Шуберт, переживший своего великого собрата всего на год, проводил его в последний путь с факелом и букетом белых лилий) — эти два величайших музыканта были охвачены чувством бессилия перед царившими в ту пору порядками. Перелистайте разговорную книжку Бетховена. «Все венцы — от императора до чистильщика сапог — ничего не стоят...» — «Здесь все противно и грязно. Хуже быть не может. С самого верха до самого низа — все жулье» — «До тех пор, пока австриец пьет пиво и ест сосиски, он бунтовать не будет!»... Закроем книжку Бетховена

кий, прямой. Не кажется ли вам, что в последней строфе слышно мощное пение «Неоконченной симфонии»?

«...И не сдалось безжалостной судьбе» — строка звучит как гневный, донесшийся до нас крик...

Опустим теперь занавес с засохшими цветами над ручьем...

— Разумеется, — говорит Петер Шрайер, — Шуберт обладал тончайшим чувством поэзии. Стихи Мюллера, конечно, слабее его музыки. Композитор поднял эти стихи, заставил их звучать. Сочетание Гейне — Шуман выглядит более внушительным. Зато как сверкает в каплях утренней росы шубертовская поэтика, какая-то невидимая сила его лирики заораживает вас.

Случайно я поинтересовался, откуда Шрайер родом. Его ответ неожиданно придал концерту иное звучание. Об этом — на звуковой странице журнала.

Артем ГАЛЬПЕРИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Фото автора

БЛАГОДАРНОСТЬ РУЧЬЮ

пределили между собой роли и должны были сочинить стихи, связанные с образом «своего» персонажа. Удачнее всех написал Мюллер, быть может, потому, что сам был влюблен в соседку по игре Луизу Хензель. Потом Мюллер расширил цикл до двадцати пяти стихотворений, из коих Шуберт отобрал двадцать.

Этот отбор был сделан им в 1823 году. ...1823 год. Песни из «Мельничиха» — будто легкой, театральной, специально «решенной» для пьесы занавес, по которому разбросаны рисованные символы шубертовской романтики — Мельник, Ручей, Засохшие Цветы, Лютня... Какое в его песнях отрешенное чувство природы, созерцательное наслаждение почти буколического характера, омраченное дымкой тоски!.. Гете писал: «То, что немец понимает под «чувством», есть не что иное, как внутреннее ощущение, свойственное всем добрым людям, то есть гуманность».

Но гуманность, или в широком смысле доброта, составлявшая основу шубертов-

и развернем письмо Шуберта, отправленное в пору печатания «Мельничиха» другу Шоберу: «...Когда я особенно болезненно почувствовал бездеятельную значительную жизнь, характерную для нашего времени, у меня само собой вылилось следующее стихотворение:

Ты, молодость, погибла в наши дни!
Давно народ свои растратил силы.
Все так однообразно, так уныло,
В ходу теперь ничтожества одни.
Мне только боль великая дана,
И с каждым часом силы убывают.
О, разве и меня не убивают
Бессмысленные эти времена?
Подобно старцу хилому, народ
К постыднейшему тянется покою
И отгоняет ветхою клюкою
Свою былую юность от ворот.
И лишь, искусство, ты таишь в себе
Огонь эпохи действия и силы,
Ты нашу боль незримо утолило
И не сдалось безжалостной судьбе».

Еще одна грань шубертовского облика. Шуберт. непокорившийся, сильный, рез-

На пятой
звуковой странице
Петер Шрайер исполняет
песни Шуберта
из цикла
«Прекрасная мельничиха»:
«Благодарность ручью»,
«Охотник»,
«Зеленая лента на лотыне»,
Партия фортепиано —
Вальтер Ольбертс.

МГНОВЕНИЯ ВЕСНЫ

Песня «Наши мамы» родилась недавно, но после первого же исполнения на радио вызвала много добрых откликов. Как же относится к песне сам композитор Эдуард Колмановский?

— Я давно хотел написать песню о материнской любви, о нашем вечном перед матерью долге. Мне кажется, что эта тема никого и никогда не оставляла равнодушным. Поэтому я с большим увлечением и волнением работал вместе с поэтом Игорем Шафераном над новой песней.

С композитором согласен и летчик Герой Советского Союза В. Тихонов: «У меня такое чувство, будто кто-то написал письмо моей маме, в котором сказал все, что я хотел бы ей сказать...»

Песня «Одноклассники» композитора В. Дмитриева и поэта М. Плячковского прозвучала впервые в радиопередаче «С добрым утром» чуть больше года назад. С тех пор она неод-

представляет композитор

нократно исполнялась по заявкам слушателей и в эстрадных концертах. Композитор Владимир Дмитриев рассказывает: — В этой песне частичка моего сердца. Когда-то я не просто учился в школе, а, можно сказать, жил школой. Мои родители — педагоги. И, пожалуй, я проводил в ней больше времени, чем другие мои одноклассники. Но школьные воспоминания, как я убедился, дороги не только мне. После каждого исполнения «Одноклассников» в концерте ко мне подходят слушатели — молодые, совсем седые, школьники, — и все утверждают: «Это песня о нас». Да, конечно, о них, обо мне самом, обо всех нас!..

Видимо, композитор прав. На ленинградском Балтийском заводе ежегодно проводятся конкурсы песен года. Жюри конкурса — сами рабочие. И вот недавно одну из наивысших наград получила песня «Одноклассники».

Когда появятся эти заметки, «Семнадцать мгновений весны» уже пройдут. Но позвольте мне стать на минутку тем зрителем-автором, который смотрит каждый вечер свое детище-киноопостановку, или телеспектакль, или бог его знает что — каждый называет по-своему.

И вот «покатилось» наше телепроизведение, и люди смотрят Вячеслава Тихонова, нет, не Вячеслава Тихонова, а Максима фон Штирлица, нет, не Максима фон Штирлица, а моего Максима, Исаева Максима Максимовича, а в общем-то не менее дорогого мне Славу Тихонова. Вместе с режиссером Татьяной Лиозновой и композитором Микаэлом Таривердиевым он стал истинным автором фильма.

Я смотрю на Тихонова, слушаю музыку Таривердиева, и происходит чудо. Музыка входит в характер и в эпоху, и я поражаюсь — в который раз уже — талантности этого композитора, его особой способности «впитывать» ощущения и мысли. Мгновению, словно в новейшей ЭВМ, происходит трансформация логики в чувство.

Смотрю я на Тихонова, слушаю Таривердиева и... вспоминаю лица моих бывших собеседников. Тех, кого мне приходилось «опрашивать» о весне сорок пятого и о роли разных людей в судьбе одной маленькой нашей планеты.

Находить, встречаться и распрощивать этих разных людей было непросто: мир был еще далек от климата разрядки. Необходимость контактов не была столь очевидна. Еще бом-

били наших братьев, с которыми я жил в пещерах Лаоса и джунглях Вьетнама. Еще открыто звучал истеричный голос фон Таддена. Еще вопили недобитые нацисты, требуя возвращения «исконных земель», указывая на территории Польши и Чехословакии.

В Токно, встретившись с бывшим помощником Аллена Даллеса Полем Блюмом, я говорил об обстановке, которая царила на отдельных переговорах с генералом СС Вольфом, и о манере Даллеса сосать длинную английскую трубку, и о том, что Белый дом не знал о коварстве резидента Управления стратегических служб американской разведки.

В перуанской столице Лиме перуанец, в былые времена сержант американской армии, известный антифашист, кавалер 15 боевых орденов Сезар Угарте рассказал мне, как он освобождал узников концлагеря Дахау, и как был слеп от ярости, и как благоволил перед памятью миллионов советских солдат, сделавших возможным и десант союзников во Франции, и освобождение Дахау, и встречу на Эльбе. В Берлине старый генерал Бамлер рассказывал о Кальтенбруннере и Канарисе, рассказывал обстоятельно и подробно, потому что он знал дело, ибо много лет был помощником адмирала Канариса...

Сейчас, когда фильм прошел, слышны разные мнения. Некоторые говорят: «Надо бы постремительней!» А может, не надо стремительней? Роман был

политическим, и фигура разведчика была нужна мне для того, чтобы вместе с ним изнутри увидеть то, что сокрыто от других глаз.

Политический фильм обязан быть «кристальным» и объективным. При всей моей любви к телеэкрану Польши фильм, подобные тем, где действует Клосс, не решают до конца тему Подвига. А Зорге, Кузнецов, Медведев, Маневич, Шандор Радо, который нам известен под псевдонимом «Дора» (он мне сейчас в Будапеште во многом помогал в работе над новым романом о Штирлице, который называется «Альтернатива»), — вот чьи образы решают эту великую тему. Они, эти великодушные герои-интернационалисты, вошли в историю не как супермены, всемогущие атлеты с затуманенными глазами, а как политики-мыслители, коммунисты, тесно связанные со своим народом.

Я благодарен судьбе за то, что два моих романа — «Майор Вихрь», и «Семнадцать мгновений весны» — обрели свою жизнь на экранах телевидения. Будучи человеком много путешествующим, я суверен и поэтому «стучу по дереву», надеясь на то, что и новый мой роман обретет свое телерождение.

На девятой звуковой странице — песни М. Таривердиева и Р. Рождественского из телевизионного фильма «Семнадцать мгновений весны» в исполнении И. Кобзона.

ПО ПРОСЬБАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Когда «Кругозор» обратился ко мне с просьбой рассказать о Поле Мориа, я живо вспомнил момент первого знакомства с ним. Оно было заочное. В конце 1957 года мне принесли небольшую пластинку с записью оркестра, которым руководил, как мне сказали, способный «парень из Марселя». На диске стояло имя — Поль Мориа. В тот момент наши лучшие эстрадные дирижеры — Джерри Менго, Мишель Легран, Юбер Ростэн вернулись из Москвы, где закончился VI Всемирный фестиваль молодежи. Я показал пластинку Ростэну. Мы сошлись с ним во мнении, что парень действительно способный и от него можно ждать многого.

В 1960 году «провинциал» Мориа появился в Париже. Он привез с собой свежую манеру оркестровки. Начало шестидесятых годов у нас ознаменовалось постепенным отступлением («ей-ей») и внушительным возвращением мелодической французской песни, которая вступала в «золотой век». Мориа сразу понял силу устойчивой мелодии в наше бурное время и занялся в Париже поначалу не столько дирижированием, сколько сочинением и аранжировкой. В первую

Давайте совершим на первый взгляд «кошунственную» вещь. Сравним дирижера, исполняющего классическую музыку, с дирижером эстрадным. Первый интерпретирует почти всегда «чужие» партитуры. Второй — почти всегда «свои». Свои в том смысле, что он перекладывает, инструментует, аккомпанирует исполнителем своих собственных песен или дирижирует сочиненной им мелодией. В этом смысле за пультом эстрадного оркестра почти всегда автор. Авторским почерком отмечены и обработки Поля Мориа, и среди них — целая серия русских и советских мелодий под общим названием «Вечная Россия». Поэтому Мориа, более чем кому-либо другому, нужен был бы свой постоянный оркестр.

Позвольте, скажет читатель «Кругозора», а где же «большой оркестр Поля Мориа», который поименован на пластинках? Этого постоянного оркестра нет. По случаю, для записи набирают музыкантов, которые потом расходятся в разные стороны. В театре «Олимпия» держат несколько концертмейстеров, но остальных оркестрантов приглашают только для выступлений с артистами мюзик-холла.

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПОЛЯ МОРИА

Мориа слушай по всему миру. Ему предоставляют оркестры в США, Японии, многих других странах. Только не во Франции. У нас, к сожалению, немалым концертом «большого оркестра», исполняющего на протяжении целого вечера обработки Мориа, за которыми охотятся все — от мажорант с магнитофонами до чемпионов мира по фигурному катанию на коньках.

Но это к слову, а пока Поль Мориа, родом из Марселя, приятный человек с серыми глазами и милой улыбкой, сочиняет свои песни, обрабатывает чужие и, облокотившись на пульт, объясняет сегодняшнему составу «большого оркестра», как нужно взять здесь это пиано...

Андрэ ТОМАЗО,
заместитель директора Парижского
литературно-художественного агентства
по культурным связям
Париж

На 11-й звуковой странице оркестр под управлением Поля Мориа исполняет «Мишель» (Леннон, Маккартни, Сарн), «Ноктюрн» (Мориа) и «Жаворонок» (Рамирес, Луна).

очередь он считал себя автором и композитором. И не только тогда, когда писал, скажем, для Мирей Матье такие «главные» ее песни, как «Приходи на мою улицу» («Кругозор» № 10 за 1971 г.), «Мое кредо» («Кругозор» № 7 за 1973 г.). Не только дирижируя всей остальной программой певицы в Москве в 1967 году, но почти всегда, когда он вставал за пульт. Что это значит?

Башорат ДЖУМАЕВА, студентка
Девушка сидела в гримерной и готовилась к своему телевыходу в передаче-конкурсе. Я разговаривал с отражением в зеркале.

— Башорат, что означает в переводе ваше имя?

— «Предсказание», «предвидение», что-то в этом роде.

— Почему именно так вас назвали?

— Бабушка загадала. Знаете, как книгу раскрывают и, не глядя, тычут пальцем в строку? Но бабушка загадала на радио. Какое первое имя произнесут, то будет мое. Объявили певцу Башорат Ходжаеву. И меня назвали в честь этой певицы. Это было 21 октября 1955 года.

— Мама и папа присоединились к бабушке?

— Да, конечно.

— Кто они?

— Папа — врач-окулист, мама — учительница математики.

— А как у вас дела с математикой?

— Хорошо, особенно с геометрией, хотя я поступила не на математический, а в институт иностранных языков, на немецкий факультет. И тут выбор, думаю, не закончен: нравится мне английский, очень певучий язык. Узбекский язык чудесен, выразителен в прозе, но с пенем наша фонетика часто приходит в столкновение, тут есть для певца элемент преодоления слова.

— Вы хотите быть учительницей?

— Не знаю, но педагогическое начало во мне есть. Немножко люблю поучать.

— И детей любите?

— Очень. Кстати, я пою сегодня «Алла». «Алла» — это колыбельная.

— А как вообще вы начали петь?

— Я не начинала. По-моему, я всегда продолжала. Пела в часы отдыха на уборке хлопка в последние школьные каникулы. Продолжаю петь в институте. Пока что музыка идет все время рядом.

Т. ДМИТРИЕВ

На звуковой странице Б. Джумаева исполняет узбекскую колыбельную песню

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

«ТОВАРИЩ» — воины

Речь пойдет не о популярной молодежной радиопередаче. И не об известной песне новосибирского композитора Олега Иванова «Товарищ», хотя, как ни странно, — бывают же такие совпадения — имя музыканта, о котором рассказывается ниже, тоже Олег, и он тоже Иванов. Это студент Казанской консерватории, пианист, проходящий сейчас службу в рядах Советской Армии. Именно с его появлением в воинском ансамбле песни и пляски и зародилась идея преобразовать существующую эстрадную группу в вокальный ансамбль.

В марте нынешнего года одиннадцать воинов впервые выступили на районном конкурсе и сразу привлекли к себе внимание культурой исполнения, ярко выраженной гражданской направленностью репертуара. Впрочем, репертуар — в нынешнем его виде — складывался уже в ходе выступления «Товарищ»: «Снега России» Л. Гарина и В. Успенского, «Полоня» Я. Френкеля, «Ласточка-касточка»

Е. Жарковского, «Мой адрес — Советский Союз» Д. Тухманова... Сейчас в работе у ансамбля «Край березовый» А. Броневичко, «Смоленская дорога» А. Пахмутовой, русская народная песня «Вдоль по Питерской» и литературно-музыкальная композиция «С чего начинается Родина...».

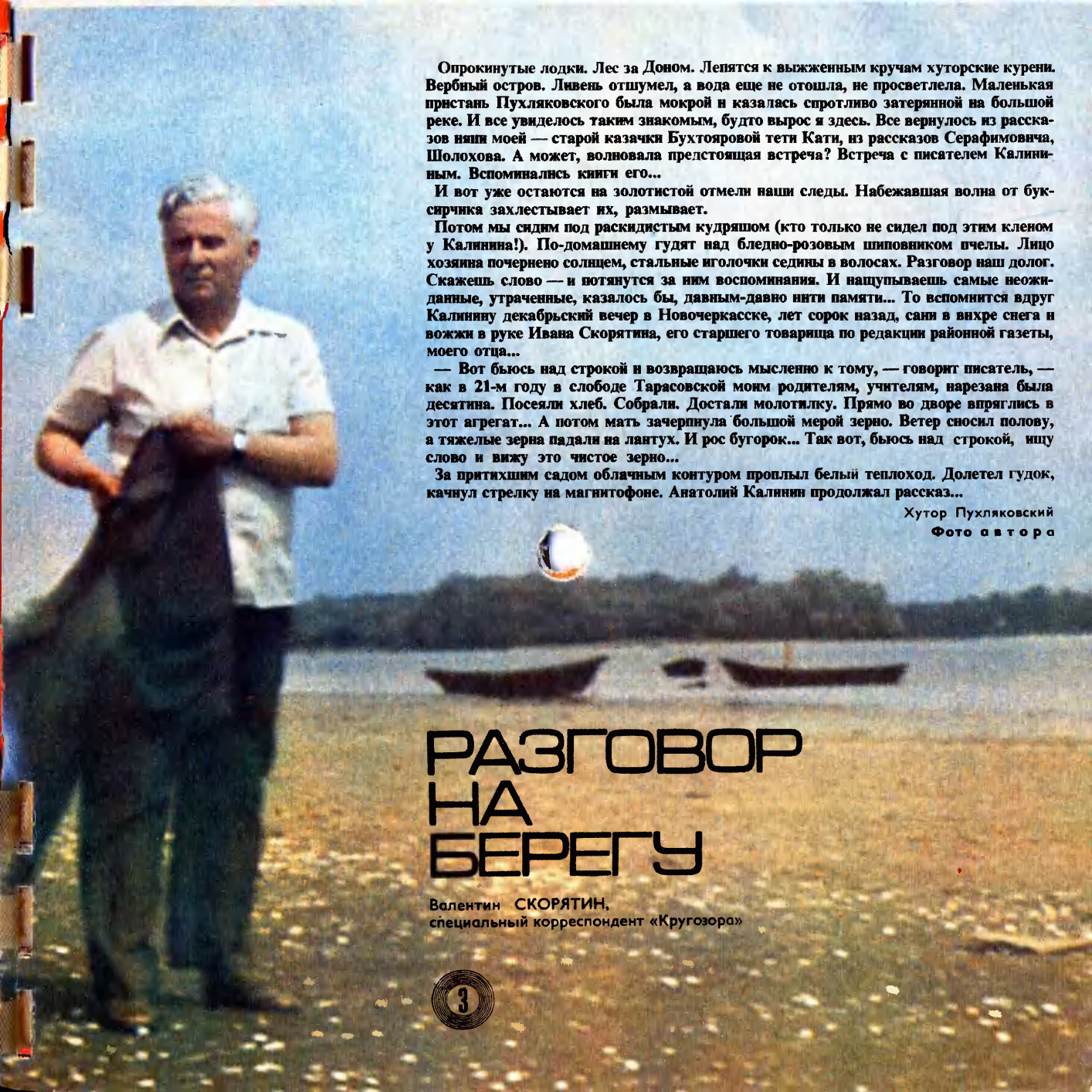
— Объединила нас любовь к песне, — рассказывает Олег Иванов, — но сначала никто даже не думал о том, чтобы после службы в армии посвятить себя музыке. Теперь же ребята всерьез задумываются о музыкальном образовании: флейтист и барабанщик Владимир Юдин собирается в музыкальное училище, дирижер-хоровик Владимир Алексеев намерен учиться пению, Ростен Оганян тоже хочет стать вокалистом. Впереди у нас много работы. Успех на телеконкурсе обязывает нас к особой серьезности и совершенствованию.

Наталья ЛАГИНА

На звуковой странице — «Снега России» в исполнении ансамбля «Товарищ».

Фото Л. Пазарова

Опрокинутые лодки. Лес за Доном. Лепятся к выжженным кручам хуторские курени. Вербный остров. Ливень отшумел, а вода еще не отошла, не просветлела. Маленькая пристань Пухляковского была мокрой и казалась спротивно затерянной на большой реке. И все увиделось таким знакомым, будто вырос я здесь. Все вернулось из рассказов няни моей — старой казачки Бухтояровой тети Кати, из рассказов Серафимовича, Шолохова. А может, волновала предстоящая встреча? Встреча с писателем Калинин. Вспоминались книги его...

И вот уже остаются на золотистой отмели наши следы. Набежавшая волна от буксирчика захлестывает их, размывает.

Потом мы сидим под раскидистым кудряшом (кто только не сидел под этим кленом у Калинина!). По-домашнему гудят над бледно-розовым шиповником пчелы. Лицо хозяина почернело солнцем, стальные иголки седины в волосах. Разговор наш долог. Скажешь слово — и потянутся за ним воспоминания. И нащупываешь самые неожиданные, утраченные, казалось бы, давным-давно нити памяти... То вспомнится вдруг Калинин декабрьский вечер в Новочеркасске, лет сорок назад, сани в вихре снега и вожжи в руке Ивана Скорятина, его старшего товарища по редакции районной газеты, моего отца...

— Вот бьюсь над строкой и возвращаюсь мысленно к тому, — говорит писатель, — как в 21-м году в слободе Тарасовской моим родителям, учителям, нарезана была десятина. Посеяли хлеб. Собрали. Достали молотилку. Прямо во дворе впряглись в этот агрегат... А потом мать зачерпнула большой мерой зерно. Ветер сносил полову, а тяжелые зерна падали на лантух. И рос бугорок... Так вот, бьюсь над строкой, ищу слово и вижу это чистое зерно...

За притихшим садом облачным контуром проплыл белый теплоход. Долетел гудок, качнул стрелку на магнитофоне. Анатолий Калинин продолжал рассказ...

Хутор Пухляковский
Фото автора

РАЗГОВОР НА БЕРЕГУ

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Анатолий КАЛИНИН

Из четвертой части повести

На ранней заре с подножки самосвала спрыгнула перед хутором молодая женщина в красной вязаной кофте поверх светлого летнего платья и пошла наискось от дороги к кукурузному полю, желтеющему сквозь просвет в лесополосе. Из шоферской кабинки вдогонку высунулся пшеничный чуб, вспыхивая под сентябрьским солнцем, и суровый голос одернул:

— Тебе бы пора уже, Настя, привыкать полегче скакать.

Не оглядываясь, она только отмахнулась белой плетеной сумочкой в смуглой руке, и тот же голос, но уже примирительно предложил:

— А то давай я тебя прямо в хутор доставлю.

Но и на этот раз она не оглянулась, только, полуоборачивая голову, с досадой мотнула ею:

— Нет, я же сказала, что сразу туда не пойду. Мне еще тут надо побыть.

Сдвинувшийся с места самосвал, съезжая на обочину, догнал ее, и чуб уже свесился из дверцы, приоткрытой с обратной стороны.

— Ну, тогда я на обратном пути за тобой спущусь.

Только после этого она, подняв голову, снизу вверх заглянула под пшеничный чуб сердитыми черными глазами.

— Незачем. На этом же месте я тебя и буду ждать.

ЩЫГАН

Михаилу Солдатову нужно было спешить на станцию Артем за срочным грузом для конезавода, и поэтому у него не было времени для разговоров с женой на развилке дорог.

— Ну, как знаешь.

Его чуб спрятался в кабину, и дверца обиженно захлопнулась. Самосвал взревел, стороной объезжая Настю.

Ни единой души не было в этот час перед хутором в степи, за исключением какой-то старухи, промышлявшей с мешком на кукурузном поле, которая, завидев Настю, тут же и шмыгнула в изжелта-зеленую чашу...

Из неоднократно перечитанного письма Клавдии, которое Михаил так и вернул Насте, нигде не наткнувшись во время своих поездок по степи на Будулая, знала она, что могилу своей сестры Гали ей теперь нужно было искать не здесь, на горе, а в хуторе. И даже малейшего признака, где раньше могла быть эта могила, теперь не обнаружил взор Насти. Все было перепахано вокруг, оставлен был из расположенного под горой хутора лишь узкий прогон для скота в степь, истолченный копытами и унавоженный коровьими лепешками вперемешку с конским пометом. Уже с самого раннего утра воробьи деловито выклевывали из него овсяные зерна.

И после того как старуха с мешком наломанных ею кукурузных початков поспешила при приближении Насти спрятаться в кукурузе, никого больше не было видно здесь в этот час, чтобы можно было расспросить. Видно, еще зоревали люди в хуторе под горой.

В том месте кукурузного поля, куда нырнула старуха, слегка шевелилась сухая листва, и Настя, по грудь забредая в золотистую чашу, окликнула:

— Бабушка, вы меня не бойтесь.

Лезвия листьев там, где затаилась старуха, зашевелились быстрее, и голова, закутанная серым пуховым платком, как куль, показалась было из них, но тут же и спряталась обратно. Настя приободрила старуху:

— Мне только надо спросить у вас.

Теперь серый куль, раздвигая стебли кукурузы, высунулся из них больше, и не старческой зоркости серые глаза настойчиво взглянули на Настю из-под надвинутого на самые брови платка. Дородная старуха стояла среди низкорослых будильев на коленях, заслоняя собой мешок с початками.

— Мне, бабушка, надо узнать, где тут наехал на цыганскую кибитку...

Договорить Настя не успела. Старуха метнулась от нее в сторону с проворством испуганной ящерицы и, приставая с коленей, рысью побежала в глубь кукурузного поля, волоча за собой по земле мешок с початками.

— Куда же вы, бабушка?! — в недоумении крикнула вслед ей Настя.

Но старуха, даже не оглянувшись, вдруг легко вскинула себе на загорбок большой мешок и еще быстрее побежала от Нас-ти, хрустя будильями, оставляя за собой по кукурузе извилистый след. Неописуемая злость ударила в голову Настю:

— Ах ты, старая воровка! — устрашающе закричала она вслед старухе. — Вот я тебя сейчас догоню! — И, засунув пальцы в рот, Настя даже свистнула по-мужски. — Улю-лю! — развелившись, грозила она и топала ногами.

Куда там было догнать. За бедной старухой едва успевали смыкаться будилья. Но свой мешок она не бросала, и оттого казалось, что два шара катятся по кукурузному полю — маленький и большой: закутанная в теплый платок голова старухи и ее туго набитый початками мешок.

Всплывающее из-под горы, из-за Дона солнце еще только начинало шарить своими первыми лучами по степи, подкрасив и листья кукурузы, уже переставивающей на корню свой срок... Разлученная в самом раннем возрасте со своей старшей сестрой и с отцом, Настя почти не удержала их в своей памяти и, должно быть, поэтому как-то вчуже, отстраненно представляла себе, какой смертью им довелось умереть на этом кукурузном поле. Тем более что и Будулай рассказывал Насте об этом совсем кратко. Теперь же, охватывая взглядом предутреннюю степь, она вдруг впервые воочию представила себе, как все это здесь должно было происходить. Как безуспешно пытались уйти на своей жалкой кибитке ее сестра Галя и ее престарелый отец от немецкого танка и как по-страшному умирали они, наступившие его гусеницами на этом поле. И леденящий ужас, объявший Настю, сплелся в ее сердце с доселе не испытанной мучительной болью. На какое-то мгновение вдруг даже почудилось ей, что это не утренней зарей окрашены жесткие лезвия кукурузы, иссушенной и приклоненной к земле только что отбывавшей в степи астраханской черной бурей. И, объятая почти суеверным страхом, Настя бегом бросилась в ту сторону, где лежал под горой хутор.

Уже на половине спуска из степи в хутор она услышала впереди себя дробную россыпь множества копыт по дороге. Из-за нависающей над дорогой глиняной кручи прямо на нее вдруг надвинулся конский табун, и не успела Настя посторониться, как длинная теплая морда уже уткнулась ей в плечо и задыхалась над самым ухом, щекоча ей шею. Инстинктивно отстраняясь, Настя хотела отступить с дороги, но эта глазастая атланская морда настойчиво последовала за ней, толкая ее в плечо. И, подняв глаза, Настя вдруг ахнула:

— Гром?!

Замыкавший табун верхом на пегой лошади старик в фуражке с казачьим красным околышем тоже испуганно закричал: — Гром! Ах ты, цыганское отродье. — И он издал предупредил Настю: — Ты, гражданочка, не бойся его, а только на месте стой.

— А я и не боюсь, — глядя сквозь затуманившуюся вдруг ее глаза пленку, радостно говорила Настя. Знакомая, с длинными ушами морда расплывалась у нее перед глазами сквозь эту пленку, и она видела только желтое пятно. — Так это ты, Гром?! Ну, здравствуй.

— Это у него такая дурная привычка к женщинам приставать, и он вас, должно быть, за другую женщину признал, — подъезжая, виновато объяснил Насте табунщик. И вдруг подозрительно осведомился у нее: — А откуда тебе может быть известно, как его должны звать?

— Ведь сами, дедушка, только что так называли его, — ответила Настя, лаская Грома, который настойчиво искал мягкими влажными губами у нее на ладони то, что привык находить всегда, и, не найдя, обиженно, шумно вздыхал. — Ничего, Гром, у меня для тебя нет, — виновато говорила ему Настя. — Если бы я могла знать, я бы, конечно, припасла для тебя, но откуда же я могла знать?! — И в доказательство она вывернула перед ним карманы своей кофты, как это делала всегда, когда, бывало, приехал на отделение к Будулаю и скормив Грому весь привезенный с собой сахар, позволяла потом ему производить у нее ревизию, пока он не убеждался, что у нее и в самом деле уже ничего не осталось. — Ни единой, Гром, крошечки.

Хмуро наблюдавший за всем этим со своего высокого казачьего седла табунщик возмутился:

— Ах ты, бабий прихвостень, мало тебе попрошайничать по всему нашему колхозу! Я тебе покажу, как у чужих людей на дороге обыск делать.

И, подехав вплотную, он раскружил над головой свой длинный кнут. Но Настя поспешила встать между его лошастью и Громом так, что табунщик в последний момент едва успел пронести кнут чуть выше ее головы.

— Это же я, дедушка, виновата. — И она шлепнула Грома ладонью по боку. — Беги, Гром, беги. А то из-за тебя и мне еще от твоего нового хозяина может достаться.

Недоумевая, Гром продолжал топтаться подле нее, и Насте пришлось повторить, с силой отпихивая его от себя рукой: — Ну, беги же скорей!

Только после этого он обиженно отошел от нее и, оглянувшись еще раз, рысцей потрусил догонять табун.

Рисунок С. Алинова

МУЗЫКАЛЬНАЯ МЫСЛЬ XX ВЕКА

Для музыканта Нью-Йорк представляет собой сложную звуковую партитуру. С грохотом вылетающий из подземелья сабвей, стада рычащих автомобилей в ущельях улиц, говор толпы... И в эту «симфонию» шумов вторгается музыка — звуки инструментов, голоса певцов, поющих о счастье и горе города, о высоком и низменном в нем.

Концертные залы Нью-Йорка. Понятие «концерт-холл» включает в себя и дворцы на два десятка тысяч мест с неприменной черно-белой вечерней униформой аудитории, и скромные помещения на 50 человек, где этикет проще и где студенческим курткам и потертым джинсам открыт вход.

Примерно девяносто процентов концертных программ составляют Чайковский, Моцарт, Бетховен, Брамс, Дебюсси — словом, классика. А оставшиеся десять процентов? Это в основном современная американская музыка, задающая немало загадок самим американцам. Среди моих собеседников, с которыми шел разговор у включенного магнитофона, были Леонард Бернштейн, Аарон Копленд, Лукас Фосс, Харольд Шенберг. На ленте отразилось многое из того, что волнует сейчас ведущих музыкантов США. Как, зачем и для кого пишут сегодня американские композиторы?

Первым моим собеседником оказался Копленд — высокий, стройный, будто и не тронутый возрастом человек (ему уже за семьдесят).

● ДЛ Я К О Г О, ●

Копленд — признанный глава американской композиторской школы и крупный общественный деятель. К его словам прислушиваются музыканты самых различных течений.

К о п л е н д. Для музыкального мира современной капиталистической Европы и Америки характерно то, что художественная молодежь чувствует себя как бы отрезанной от прошлого. Потеряна преемственность, пропало естественное для многих поколений музыкантов чувство фундамента, опираясь на который они бы творили новое, открывали неизвестное. Современные музыканты, такие, как Пьер Булез, Милтон Бабинг и другие, создают свою музыку, полностью отрицая все сделанное прежде. Этот разрыв между двумя следующими друг за другом по-

колениями композиторов — признак (для меня, во всяком случае) кризиса сегодняшней музыки.

Встреча с известным дирижером и композитором Леонардом Бернштейном состоялась в перерыве между репетициями за кулисами Филармони-холла в Линкольн-центре. Пока за стеной гудели настраиваемые инструменты, Бернштейн говорил.

Б е р н с т а й н. Десять лет назад мы были больны идеей реформаторства формального, конструктивистского толка.

Но это время миновало. И сегодня никто уже больше не интересуется музыкально-технологическими схемами. Главное сейчас для музыканта — процессы общественные. Его волнуют сотрясающие планету катаклизмы, перспективы развития современного общества, меняющиеся его контуры. Композиторы стремятся до предела насытить свою музыку социальным содержанием, веря, что искусство может улучшить мир. Конечно, эта идея в практическом воплощении обретает различные формы. В последние годы мы получили немало сочинений о трагедии Хиросимы, о сегрегации негров и т. д. И если сегодня вы поговорите с кем-либо из композиторов, которые десять лет назад были буквально помешаны на формальных схемах, вы поймете, что чистая технология их сегодня не удовлетворяет.

Имя композитора Лукаса Фосса не менее популярно в США, чем имя Леонарда Бернштейна. Фосс становится за дирижерский пульт по преимуществу в тех случаях, когда исполняется сочинение экспериментального плана.

Фосс. Более десятилетия отдал я увлечению алеаторной (случайным сочетанием музыкальных звуков), искренне считая, что лишь это может дать творцу безграничную свободу. Возможно, алеаторика важна для исполнителя, который импровизирует на заданную тему. Но неосторожное обращение исполнителя с темой моментально убьет музыку. И я пришел к выводу: заниматься алеаторикой — то же, что пытаться ходить по канату, — канатоходец верит в его прочность и не верит.

Пожалуй, ни один воскресный выпуск газеты «Нью-Йорк таймс» не выходит без статьи Харольда Шенберга — известного музыкального критика.

Шенберг. Научно-технический прогресс, которым отмечен наш век, настроил умы на ожидание каких-то новых открытий в других областях, в том числе и в искусстве. Может быть, этим можно объяснить то пристальное внимание к экспериментирующим композиторам, которое мы замечаем сейчас. Большинство же композиторов в мире пишет музыку в традиционной манере. Среди них самые известные музыканты: Шостакович в СССР, Барбер в США, Бриттен в Англии... Меня лично многое смущает во всей этой ситуации. Прежде всего, стабильное слушательское большинство — на стороне тональных композиторов. Шум поднимают авангардистские композиторы, цель которых — приковать к себе внимание во что бы то ни стало. Правда, некоторая дистанция между композиторами и слушателями существовала всегда. Когда в 1840 году Шуман написал

КАКИ И ЗАЧЕМ?

свой фортепьянный концерт, никто не хотел его исполнять. Но уже через 10 лет эта музыка была чрезвычайно популярна. Почти то же самое происходило с сочинениями Малера.

И я вспомнила слова Бернштейна, говорившего о том, как завоевывали аудиторию Копленд и Шостакович. Но в отличие от современного авангарда эти композиторы скорее сторонились шума и рекламы. Приговор им выносило время.

Д. РОМАДИНОВА

На шестой звуковой странице вы услышите фрагменты мюзикла Л. Бернштейна «Вестсайдская история», повести о Тони и Марии — Ромео и Джульетте нью-йоркских трущоб XX века. Исполняют Карол Лоренс, Ларри Кэрт, хор и оркестр.

В зале, где смех, идет авторский вечер писателя Григория Горина. Но... раньше чем вы услышите на 10-й звуковой странице его юмористические рассказы «Семейный бюджет» и «Очередь», вы можете узнать кое-что и о самом авторе. Это «кое-что» не слишком серьезно, но вполне документально — по крайней мере, по утверждению самого писателя...

Горин. В связи с просьбой редакции сообщить о себе биографические данные и при этом быть по возможности кратким я, к сожалению, вынужден из-за экономии места опустить тот примечательный факт, что я родился в Москве в 1940 году.

Не стану писать и о том, как я рос, закончил в определенной последовательности детский сад, среднюю школу и институт. Ради экономии места не стану писать, что это был Первый Московский медицинский институт.

В Москве два медицинских: Первый и Второй. Так вот тот, что я закончил, был Первым, а тот, что я не заканчивал, — Вторым.

Четыре года работал врачом «Скорой помощи». Об этом кратко не расскажешь. Проще позвонить по «03». В 1968 году оставил медицину и был принят в Союз писателей. Не знаю, что в связи с этим приобрела литература, но то, что медицина ничего не потеряла, — это точно!

О моей внешности можно судить по шаржу художника... Впрочем, не совсем, поскольку и его просили быть кратким, и он взял из моего лица только узловые моменты, опустив детали и подробности.

С уважением, Гр. ГОРИН.

(Вообще-то я Григорий Горин, но из-за необходимости быть кратким откликаюсь и на Гр.)

ВЗГЛЯД

СМЕХ

слушайте

в

номере:

Кругозор

10 (115) октябрь 1973
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1973 г.

На первой странице
обложки:
**«В мире профессий.
Хлебобоб».**
Художник
В. Семенов

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
28.VIII. 1973 г.
Б. 04420. Подп. к печ.
12. IX. 1973 г.
Формат 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 1072. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125865, ГСП, Москва,
А-47, ул. «Правды». 24.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40
Пишите нам
по адресу:
113326, Москва,
Пятницкая, 25
«Кругозор»

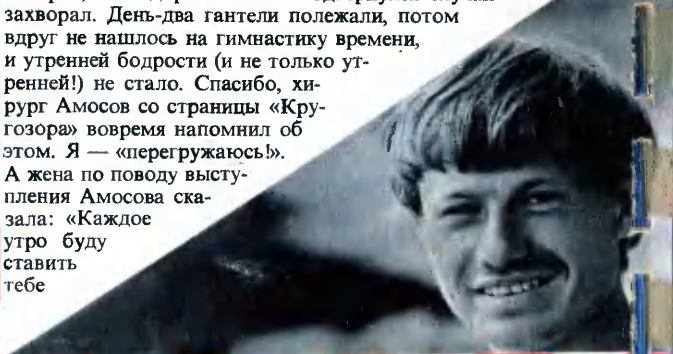
1. **«Бой задолго до Победы...»**
Хроника Обольского подполья.
2. **«В час, когда рождается корабль».** Песня-репортаж.
3. **«Откуда приходит стража»**
Монолог писателя Анатолия Калининна.
4. **Рассказывает народный артист СССР Николай Черкасов.**
5. **Композитор Ф. Шуберт.** Из цикла «Прекрасная мельничиха». Исполняет П. Шрайер (ГДР).
6. **Л. Бернштейн (США).** Фрагменты киномузыкла «Вестсайдская история».
7. **«Молодые голоса»: Б. Джумаева (Бухара)** — узбекская колыбельная песня; ансамбль «Товарищ» (Горький) — «Снега России».
8. **Первый оттиск. Э. Колмановский, И. Шаферан.** «Наши мамы», исполняет В. Трошин; В. Дмитриев, М. Пляковский, «Одноклассники», исполняет квартет «Аккорд».
9. **Песни из телефильма «Семнадцать мгновений весны».**
10. **Юмористические миниатюры «Семейный бюджет» и «Очередь».**
11. **Оркестр под управлением Поля Мориа (Франция).**
12. **Марыля Родович (Польша): «С тобой в горах», «Когда песня в армию пошла».**

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Вот
и прошло
наше редак-
ционное лето.

Честно говоря, мы ожидали некоторого спада в почтовом потоке: пора отпусков, школьных и студенческих каникул. Оказалось, даже лето не ослабило пристального внимания к «Кругозору». В самую кульминацию — в июле — мы получили втрое больше писем, чем привыкли. Факт, нас обрадовавший и вдохновивший на новые формы работы с редакционной почтой. Но об этом потом. Сначала ответ на наиболее интересные письма. Начнем с критических. Супруги Екатерина и Михаил Бурлачук из Душанбе, давние читатели журнала, были обескуражены почти иллюзионистским трюком, с которым они столкнулись, открыв «Кругозор» № 6 за этот год. В их журнале оказалась одна звуковая страница из «Кругозора» № 7, который еще только готовился к печати. Если в каждом отрицательном явлении попытаться найти и положительную сторону, то в данном случае она налицо: редакция опережает свои графики, и в типографии лежат (как мы говорим, «в загоне») готовые звуковые страницы будущих номеров. Остальное, как вы понимаете, «опечатка» брошюровщиков. Во всяком случае, и за них и за себя мы приносим извинения и, разумеется, высылаем звуковую страницу, которой недостает в вашем журнале, уважаемые Екатерина и Михаил Бурлачук. А за письмо спасибо. Четыре страницы размышлений о журнале читали очень внимательно. Некоторые опубликуем, потому что они интересны всем. «Мне вспоминается случай, — пишет Михаил Бурлачук, — принесла жена в дом гантели и сказала: «Занимайся!» Пришлось заниматься, иначе было бы стыдно, тем более что это сказала женщина. Занимался регулярно, с удовольствием. Все шло, как говорят, «на здоровье». Но подвернулся случай — захворал. День-два гантели полежали, потом вдруг не нашлось на гимнастику времени, и утренней бодрости (и не только утренней!) не стало. Спасибо, хirurg Амосов со страницы «Кругозора» вовремя напомнил об этом. Я — «перегружаюсь».

А жена по поводу выполнения Амосова сказала: «Каждое утро буду ставить тебе

...бы!

нам писали

Фото

В. Ершова

эту пластинку!» Пластинка на каждый день. Неплохая мысль для постоянной рубрики журнала. Ну, а теперь о нашей новой форме работы с письмами. Получили мы письмо с обратным адресом: «спортивно-трудовой лагерь. С приветом, 8-я палатка». По письму чувствовалось, что к «Кругозору» относятся по-товарищески, как-то по-свойски, как к закадычному другу. А что, если съездить к друзьям? И я еду в подмосковный строительный отряд. На новых колхозных постройках красной кирпичной строчкой выложено — МАИ. В зональном штабе отряда на стене карта, где цветными карандашами отмечены стройобъекты: «Виктория», «Взлет», «Аргонавты», «Фауст», «Коммунар», «Полет». Эти космическо-философские названия уже кое-что рассказали мне о наших читателях. Еще любопытный факт — оказывается, попасть в стройотряд МАИ не легче, чем в МАИ. Из двадцати желающих отбирают всего четырех. Ребята открыли мне секрет популярности стройотрядов: «Начинаешь понимать главное — что такое мозоли на руках, что такое, когда товарищ рядом, наконец, что такое заработанный самим рубль. И уже на все кругом смотришь совсем другими глазами». Когда они ухитряются читать и слушать «Кругозор», ума не приложу! Тем не менее просьб и пожеланий журналу у них уйма. Все выслушала, записала, сообщила на редакционной летучке. И от этой поездки, от рассказов студентов из Московского авиационного читатели стали понятней. Теперь, когда в редакции стучат машинки, когда спорим, обсуждая темы, пластинки, статьи, будто говорим, глядя в глаза нашим молодым читателям. А будет ли им это интересно? А понравится ли им? А что они скажут? Смотреть в глаза читателю... Такая форма работы с письмами одобрена в нашей редакции. Итак, ждем ваших писем!

М. НАТАЛИЧ,

корреспондент отдела писем
Весело, разнообразно и интересно
проходит третий трудовой
семестр у студентов строй-
отряда Московского авиа-
ционного института —
 одного из коллективных читателей журнала.

МАРЫЛЯ РОДОВИЧ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

Польша

Марыля начала свою песенную карьеру всего несколько лет назад и, как признавалась сама, начала «случайно». Студентка Академии физкультуры в Варшаве Родович (специальность — послеоперационная лечебная физкультура) подавала большие надежды, и для нее уже заранее берегли место в известной столичной клинике, которой руководил профессор Вайс... Песня, по словам Марыли, вошла в ее жизнь неожиданно. Правда, у нее было много и других увлечений. Социология, например. Она написала большую работу о мировосприятии современной молодежи. Одно время ей хотелось заняться архитектурой и... живописью — тоже не удивительно: отец Марыли — строитель, мать — художница... И все-таки победила песня. Фестиваль студенческой песни в Кракове окончательно предрешил ее судьбу. Первая премия была завоевана со значительным «отрывом» от соперников.

— Что меня больше всего увлекает в песне, — говорит Марыля Родович, — это прежде всего возможность поразмышлять со слушателем о важных, глубоких проблемах, которые волнуют сегодня людей, помечтать вместе с ними... Я — за мелодичную, содержательную песню, приносящую слушателям истинную радость и наслаждение...

Сегодня имя Марыли Родович известно во многих странах мира (исполняемая ею песня «Разноцветные кибитки» издана на пластинках миллионными тиражами); певцу по достоинству называют «заслуженным посланником» польской песни, «посланником с гитарой»... Был Марыля на гастролях и в нашей стране. Мелодии советских авторов она с успехом исполняла на самом массовом в Народной Польше фестивале — празднике советской песни в Зеленой Гуре. И исполняла их по-своему — темпераментно, стараясь проникнуть в душу наших людей.

Марыля Родович относится к числу исполнителей, которые быстро обретают популярность. Но недаром в Польше ее еще называют и труженицей, ищущей в песне новые пути.

Цена 1 руб.

Александр ЖИГАРЕВ